

СОЛДАТ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Виктор Бондарчук

Виктор Бондарчук

Солдат третьего тысячелетия

«Издательские решения»

Бондарчук В.

Солдат третьего тысячелетия / В. Бондарчук — «Издательские решения»,

По стране триумфально катится криминальная революция, идет активное накопление первичного капитала во всех слоях общества, а милиция даже не всилах фиксировать все преступления, не то, что их раскрывать.

Солдат третьего тысячелетия

Виктор Бондарчук

© Виктор Бондарчук, 2016

© Evgenij Sazanov, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Очнувшись от многодневного забыться, старший лейтенант Василий Онищенко увидел над собой белый потолок, хотел шевельнуться и не смог. Он не чувствовал своего тела, не чувствовал боли, он вообще ничего чувствовал. Страх безысходности пронзил его, сердце рвануло бешеным ритмом, темная пелена накатила на глаза и, теряя сознание, мозг пронзила ясная и четкая мысль: с ним беда – страшная и непоправимая. Но молодой организм побеждал, и сознание с каждым днем возвращалось все чаще и чаще. Иногда он мог больше часа осознавать окружающее, наблюдать за людьми, склоняющимися над ним. Его взгляд скользил по всему этому равнодушно, без интереса. Но только он, чуть – чуть напрягаясь, пытался что-то вспомнить, едва начинали проявляться какие-то знакомые моменты, как тут же неотвратимо подступал страх, и сознание покидало офицера. И одна мысль постоянно крутилась в голове, как слова старой песенки детства, и исчезала только с уходящим сознанием – он уже никогда не станет капитаном, он вообще не будет военным. Ничего в этой жизни не может длиться бесконечно, и, наконец, старший лейтенант стал потихоньку «отползать от края пропасти», которая звалась смерть.

Еще через месяц дела пошли веселее, молодой организм быстро восстанавливался, сознание больше не покидало раненого. Теперь Василий знает, что с ним произошло, и горько жалеет, что не скатился в эту пропасть, не приходя в сознание. Жизнь жестокая штука, и она не собирается делать подарки какому-то старлею, она заставит его испытать чашу страданий до последней капли. Он, Василий Онищенко, инвалид, у него нет практически левой руки, от нее остался жалкий обрубок. Граната, взорвавшаяся в руке, выбила надолго из сознания, ударив осколками в каску. И никто не знает, во что выльется в будущем эта страшная контузия, если сейчас от малейшего напряжения, от боли начинается раскалываться голова. И ко всему этому еще прострелена правая нога, и есть шанс, что она не будет разгибаться. Правда хирург, оперировавший ее почти три часа и сделавший все возможное, обещает положительный результат. Но это пока предположения, и лучше готовиться к худшему. Хотя куда дальше то, ведь он один на этом белом свете. Голова болит постоянно, но эта боль уже не мешает предаваться воспоминаниям, не мешает прикованному к постели офицеру прокручивать свою недолгую жизнь, пытаясь понять, как он оказался в таком поганом положении. И все чаще мысль, что на этой земле все для него закончилось, заполняет сознание, вызывая жуткое отчаяние. Но чем скорее идет выздоровление, тем сильнее хочется жить, и добровольно теперь он не покинет эту землю, ставшую ему злой мачехой. Страх из души понемногу вытесняется злостью, пульсирующей иногда на грани ярости.

Выпускник общевоинского училища, получивший лейтенантские звездочки в крутое перестроечное время, он сразу вступил на «тропу войны». Толкового лейтенанта, привыкшего все делать на «хорошо» и «отлично», заметили сразу, и он оказался в элитном спецназе. Правда, вся эта элитность вылилась в конечном итоге в сплошной риск, игру в «русскую рулетку». Ведь выпущенных в него пуль оказалось в сотни раз больше, чем прожитых им дней. Командировки сыпались одна за одной, страна пылала в локальных войнах, переходя от социализма к капитализму, и на людей в погонах спрос был стабильный. И они находились, шли и воевали в так называемых «горячих точках». Рассчитываясь своими жизнями и здоровьем,

кому как повезет, за элементарную тупость людишек держащихся за власть, за их воровские дела, за склонность к патологическому предательству.

Теперь у старшего лейтенанта много времени на раздумья, можно не спеша прикинуть, проанализировать поступки, действия и просто прошлую жизнь. Раньше за бегущей суетой дней было не до этого, казалось, что и жизнь только начинается. И вдруг все, она на исходе, вот так неожиданно и сразу. Еще не понятно, зачем судьба оставила его на этом свете, может, только затем, чтобы он до конца прошел тропой трудностей и страданий. Может, это наказание жизнью, но он не сделал ничего подлого и страшного, чтобы получить такое наказание. Может за то, что держал в руках оружие? Но он стрелял, когда стреляли в него. А пули, посланные им, не попадали ни в стариков, ни в женщин, ни в детей. Он не стесняется ни своей принадлежностью к воинству, ни формы, которую носил. Здесь он себя ничем не запятнал. Об этом можно размышлять бесконечно, но зачем? Жизнь сама все расставляет по своим местам. И сейчас Василий понял одно, что все самое трудное и настоящее, зовущееся простой жизнью, начинается только сейчас. Она рисуется в воображении темной, непонятной и враждебной, и о ней пока лучше не думать, зачем заранее рвать себе сердце и нервы. От будущего не уйти, оно подкинет все по полной схеме – и радости, и горести. А вот в прошлом он разбирается тщательно, стараясь понять, почему он так подставился, что в свои годы лежит покалеченный, не имея за душой ни дома, ни семьи и вообще ничего такого, что обычно связывает людей с этой жизнью. И этой власти, которая ему никто, за которую воевал и пострадал, он тоже, скорее всего, не нужен по большому счету. Как смогли задурить ему голову, неглупому парню, он не может ответить. Как и не может ответить на элементарный вопрос, за что воевал с таким же, как он. Сыграли, твари, на его элементарной порядочности, бессовестно шантажируя такие понятия как долг, честь, преданность. Его посылали в бой люди, этими качествами не обладающие, а по большому счету смеющиеся как над этими понятиями, так и над людьми, вроде Онищенко.

Хорош об этом, сам виноват, ведь всегда была возможность отказаться, а коли не сделал этого, то и получай все сполна, и не надо искать виноватых. Это твоя проблема, что ты оказался глупее их. Поезд ушел, и хорошо, что ты поздно, но все же смог взглянуть на проблему трезво, как и на эту самую жизнь. Зато теперь ты сможешь все таким, как оно есть, без иллюзий. Лучше поздно, чем никогда, ухватить элементарные истины бытия, в которых раньше не было время разбираться, а скорее всего, желания. Ведь тогда бы пришлось бы принимать решение, которое кардинально бы меняло судьбу. А хотел ли он этого, хотел ли отвечать за самого себя, хотел ли стать командиром для себя в этой жизни? Тогда не хотел, а вот сейчас придется. И не просто придется, а с тяжким грузом на плечах. Обидно, ведь жизнь подсказывала, подкидывала шанс, стоило только немного подумать, слегка напрячь голову.

Он как сейчас помнит жену лейтенанта Катышева, рыдающую и рвущую волосы на гробу мужа, умоляющую закопать ее вместе с ним. Тогда Василий, глядя на это сцену, едва сдерживал слезы, материл в душе и войну, и людей, ее развязавших. И очень не хотел для себя такой участи. Но уже через неделю оказался там, откуда не вернулся лейтенант – сослуживец. Звездочки на погонах, ордена, карьера – все это осталось там, за облаками, где он, когда-то витал и откуда его безжалостно сбросила жизнь. И с этого дня все, прошлое для него – закрытая тема. Разобрался слегка и ладно. Впереди новая трудная жизнь, в которой придется рассчитывать только на себя. Пора начинать работать головой, хотя ей и досталось больше всего, и она его единственный шанс в темном и непонятном будущем.

Закачивалась зима, в Чечне наступило что-то наподобие перемирия, так, по крайней мере, объявили власти, но госпиталь этого не ощутил. Раненые по-прежнему поступали круглосуточно, правда, может не в таком количестве, чем месяц назад. Это небольшое затишье перед бурей, а вот когда весна озеленит природу, сравняет камуфляж с зеленью листвы, тогда и грянут бои с утроенной силой. Но это уже не интересовало раненого офицера, для него война и армия закончились, он теперь решает свои личные проблемы. Глядя на товарищей по несча-

стью, лежащих вдесятером в четырехместной палате, он понял, с этого лежания проку не будет. Надо перебираться ближе к «базе», к своему подразделению. Только там есть возможность вырвать хоть какую-то помощь, только там можно хоть на что-то рассчитывать.

И Василий начал понемногу теребить хирурга, тот вроде относился к нему неплохо, по крайней мере, отличал от других раненых. Врач понял офицера, посетовал, что, мол, рано ему еще передвигаться на большие расстояния, и место ампутации подгнивает, и случаются приступы сильной головной боли. Но, в конце концов, где-то на что-то нажал, с кем-то переговорил, и старшего лейтенанта Онищенко долечиваться по месту службы и жительства, откуда он прибыл в последнюю командировку, в насквозь простреливаемый зимний Грозный. Из блокнотного листочка, приложенного к его госпитальным документам, он узнал, что является просто героем. Незнакомый майор Сердюк написал на этом листке торопливым, но все равно аккуратным подчерком, что спецназовец Онищенко спас боевых товарищей, выкинув гранату из помещения, где они держали оборону. Врачи на словах добавили к этому, что те, кто остался жив, и этот майор Сердюк вынесли раненого Василия из боя и организовали эвакуацию. А это сделать в том аду было равносильно чуду. Сам раненый не помнил ни этого майора, ни тех, с кем был в последнем бою. В памяти всплывали какие-то закопченные, почти черные лица, с надвинутыми на самые глаза касками, а кто они – он уже не вспомнит никогда. Хирург велел беречь эту записку, вдруг этот майор сделал официальное представление, и любая награда не будет лишней для искалеченного офицера. Хотя в это верится слабо, уж слишком много было погибших после того страшного штурма Грозного, который просто перемолол город. И те, кто остался жив благодаря Василию, скорее всего, сложили головы чуть позднее. Это был настоящий ад войны, в котором сгнуло большинство, как защитников, так и нападавших, вырвались очень немногие. А та граната рванула, скорее всего, в руке, хотя это теперь не имеет никакого значения. Какая разница как ты ее потерял, она уже по новой не отрастет.

Потом долгие полмесяца мучений – носилки, машины, поезда, суета, грязь и всеобщее какое то озлобление медперсонала, будто раненые виноваты, что не могут самостоятельно передвигаться. И ничего не скажешь, когда полностью беспомощен и зависим. Остается только сжать зубы, вспоминать что-то хорошее, хотя бы того врача, его искреннее и доброе отношение к пациенту. На прощание крепкое мужское пожатие руки, простое уважение к воину. Как мало ему надо, пожали руку – и будешь вспоминать это с наворачивающимися на глаза слезами.

В военно-морском госпитале не очень-то обрадовались новому пациенту, резонно полагая, что за ним может хлынуть целый поток раненых, не принадлежавших их ведомству. Зачем им посторонние, если они со своей морской пехотой зашиваются, которая валит израненная с Кавказа потоком. И чтобы исключить такую практику, начали строчить во все инстанции письма о невозможности принять дополнительный контингент раненых. И своего добились, спецназовца перевели в госпиталь МВД. Василий не протестовал, ему все равно, где лежать, правда, у моряков было покомфортней и посытней. Но зато здесь он среди своих, каждый второй – с чеченской бойни. А самое главное, что он понял – врачам наплевать, сколько ты здесь пролежишь, полгода или год. Здесь относились к раненым по принципу: не рвется клиент выписываться – пусть лежит, лишь бы сильно не доставал просьбами и претензиями. Врачам по – любому больше не заплатят, поставь они на ноги раненых на порядок больше.

Личную задачу офицер выполнил, выписавшись только к ноябрьским праздникам. Хотел было еще и перезимовать в госпитале, но лечащий врач беззлобно усмехнулся, мол, все мыслимые и немыслимые сроки прошли. Есть, конечно, вариант с психушкой, но это он Василию категорически не советует. Тот внял рекомендациям и оказался в холодном зимнем городе, как говорится, без кола, без двора. Поначалу все пошло вроде бы неплохо, дали место в ментовской общаге, правда, на «птичьих правах» – здание заканчивало приватизацию. Потом быстренько комиссовали, поставив в бесконечную очередь на жилье. Еще через месяц общага по докумен-

там превратилась в малосемейный дом, в котором места бывшему спецназовцу не нашлось. Ведь как оказалось, он был только прикомандирован к МВД, а значит, все заботы о нем должно взять на себя военное ведомство.

Во всем этом не разобраться и здоровому, не говоря уже о контуженном. Да и время пришло энергично – наглых, не отягощенных никакой моралью. Онищенко таким не был, а штатская жизнь еще не закалила душу, не сделал ее железно – непробиваемой, вот он и не смог вырвать свой «кусочек» из чужой глотки. А коли не смог, то и оказался на улице. Попытался было ходить по начальствующим кабинетам, но сразу понял бесполезность своей затеи. Его, конечно, внимательно выслушивали и обещали все что угодно, лишь бы ушел, не «отсвечивал» своими проблемами. Ведь таких, как он, отработанного для системы материала, пруд пруди. И все ходят, клянчат и на что-то надеются. А что-то вырвать у системы в новой России, где криминал правит бал, может только зверь в человеческом обличье. Но таких почти нет, и власть-державные чувствуют себя в относительной безопасности. Плохо оказать не готовым к суровой прозе жизни. Когда эта самая проза до ужаса свирепа, и те, кто упадет, вряд ли уже поднимутся, затоптанные себе подобными. А коли так, то надо менять облик, становиться зверем, чтобы элементарно выжить. И чем скорее, тем лучше. Это все просто и понятно, но это как раз и не хотелось. Видно, не готов он еще перевоплотиться, еще не растерял свои человеческие качества, не наголодался еще всласть, не намерзся до синевы. Еще не скоро задубеет душой и телом, и его фронтовое прошлое будет казаться в сравнении с этой жизнью не таким уж и плохим.

Первая неделя на улице – и уже есть кое-какой опыт. Он знает, где можно дешево перекусить и переночевать, а где за бутылку дешевой водки можно помыться и постираться. Но это хорошо, пока есть кое – какие деньжата. Кончатся они – и кончатся эти мизерные блага. Нет возможности снять самое дешевое жилье, сразу отказывают, едва видят камуфляж и пустой рукав – зачем нужны проблемы с человеком с войны.

Но Бог не оставит ищущего и борющегося. Перед самым Новым годом мелькнул лучик надежды, судьба подкинула шанс. После недельной ночевки по вокзалам Василий встретил на рынке, где искал работу, соседа по палате. Купил ему бутылку водки и был приглашен в двенадцатиметровую комнатуху в громадной, как корабль, девятиэтажной малосемейке. Потом весь вечер слушал пьяные стенания и жалобы бывшего капитана – гаишника, которые знал наизусть еще по госпиталю. Онищенко прошел множество таких малосемеек – муравейников в надежде снять угол. Но и они сейчас ему не по карману, цены в сравнении с его инвалидной пенсией просто занебесные. Надо попробовать закрепиться у Петровича на недельку, другую, может, в этом гетто жилье подвернется по дешевке.

Допивая водку в одиночку, гаишник все говорит, Василий не слушает, он дремлет. В комнате хоть и бедлам конкретный, зато тепло и он наслаждается им, а если еще удастся помыться, то кайф будет полным. Хозяин разогрелся и со слезами на глазах клянет жизнь и жену, сучку и предательницу. Он мог отказаться от той злополучной командировки на Северный Кавказ. Струхнув перед угрозами начальства в случае отказа вылететь с хлебной работы в народное хозяйство. Да и на увещевания жены повелся, мол, все ездят и деньги хорошие оттуда привозят. Согласился в надежде выиграть, совсем не рассчитывая на поражение, а так не бывает. Получил осколочное в живот, в район печени, был комиссован по здоровью, лишился работы. А заодно и жены, и квартиры, получив в процессе обмена вот эту разбомбленную конуру на девятом этаже, откуда прежние хозяева выселились, скорее всего, под открытое небо, дойдя до края этой жизни.

Гаишник поначалу попытался избежать участи прежних жильцов, мол, учиться надо на чужих ошибках. Начал с ремонта, который довел до конца. Приобрел кое – какую мебельку – и все. На этом его воля, желание и прочее иссякли. Ведь жить в гадюшнике может только по-настоящему сильный человек, а слабые, чуть побарахтавшись для приличия, влива-

ются в ряды отторгнутых жизнью, становясь самыми настоящими пресмыкающимися. А бывший властелин дорог ни волей, ни характером, так нужными в этой ситуации для элементарного выживания. Дальше – дружба с местной пивной элитой, в которую вскоре вошел полноправным членом. И в результате все чаще по утрам не мог вспомнить, откуда в его комнате на утро оказались какие-то омерзительные рыла. Потом похмелялись, все вспоминалось, и уже это не казалось чем-то отвратным. И все опять шло по кругу, и так изо дня в день. При таком темпе употребления «огненной воды» до последнего края гаишнику оставалось совсем немного, и уже какие-то люди стали открыто интересоваться его жильем. А это наиточнейший диагноз – человек «дошел», «барахтаться» ему осталось совсем немного.

И тут жизнь у собутыльников Петровича – мента пошла наперекосяк, да и планы «черных дилеров» стали рушиться, у него поселился Онищенко. Теплая комнатка сразу стала негостеприимной для дружков – ханыг. Кому понравится, когда все пьют, а один трезвый как стеклышко, что у него на уме? И просыпаться разонравилось после полной отключки ни в какой – никакой хате, а на лестничной площадке, или, того хуже, у мусоропровода, на куче недельных гнилых отбросов. Пьянь было попыталась отстоять свои права, накатила на нового жильца, но, получив слегка по почкам, мгновенно угомонилась, трезво поразмыслив и порешив, что свет клином не сошелся на этой хате и еще остались хорошие люди и без этих бывших ментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.